

Теоретическое занятие по дисциплине «Литература»

Тема занятия № 13 : «Жизненный и творческий путь Афанасия Афанасьевича Фета ».

Цель занятия: 1. Активизировать познавательную деятельность обучающихся, воздействовать на каждого из них; продолжить знакомство с русской поэзией второй половины XIX века, систематизировать знания учащихся понятия теории “чистого искусства”, познакомить детей с биографией А.А.Фета, показать сложность жизненного и творческого пути поэта.

2. Прививать любовь к русской поэзии, развивать способность учащихся к сопереживанию, стремиться к созданию атмосферы заинтересованности каждого ученика в работе класса, к созданию ситуации успеха и положительного эмоционального настроения на работу.

3. Совершенствовать речь учащихся, поощрять высказывание ими оригинальных идей, развивать творческое воображение детей средствами нестандартных заданий.

1. Запишите в тетради дату и тему занятия.

2. Изучите материал занятия (пройдите по ссылке)

1. https://vk.com/video-49221075_170788285

Афанасий Афанасьевич Фет того же поколения, что и Александр Николаевич Островский: они были связаны событиями личной и дружеской жизни через их общего друга Аполлона Григорьева.

В статье Блока «Судьба Аполлона Григорьева» (1916 г.) хорошо показаны 1840-1850-е годы — время, которое Блок называл «интеллигентским безвременьем». Мы уже знаем несколько имен людей, которые великолепно могли сопротивляться этому «интеллигентскому безвременью»: Тютчев, Гончаров, Островский и, тем более, Афанасий Афанасьевич Фет.

Эта сторона жизни Фета была хорошо защищена — и не только личным мужеством и личным убеждением. (У Фета чрезвычайно мало слабых стихов, у Тютчева — гораздо больше). Но другая сторона! В свете Христовой правды мы и рассмотрим ту сторону жизни Фета, которую в наибольшей степени атаковал дух злобы.

Даже имя Фета несколько настораживает. Какой национальности Фет? Фет — еврей. В свое время мать Фета была увезена в Германию от своего неудачного какого-то там брака тульским помещиком Афанасием Шеншиным (отчим Фета)¹.

---

¹ В конце концов, когда Фет будет уже учителем КаэРа, то есть Константина Романова («Умер бедняга в больнице военной...» — это КаэРовские стихи), будет этого великого князя принимать у себя дома и тот будет считать за честь, что посетил со своей молодой женой своего учителя, только тогда Фет выхлопочет себе вновь фамилию Шеншин.

Родился Фет в имении Шеншина и его приходской священник тут же записал его в приходской книге как законного сына Шеншина и при крещении его назвали в честь отца — Афанасием. До 14 лет Фет носил фамилию Шеншин, тем более что отчим с матерью очень скоро обвенчались и все прочие дети, а их было много, уже законно носили фамилию Шеншиных. Когда Фету было 14 лет, последовал донос, что он родился не через 9 месяцев после заключения законного брака, а раньше и по тем законам Фета записали по старой фамилии матери — Фет или по-немецки Fet.

Поэтому Фет как бы спустился с вершин какого-то благополучия, бесспорного устоявшегося менталитета (тем более, что Фет был даже в какой-то степени антисемитом, так как учился в школе в Дерпте (Таллин), там антисемитские настроения тогда были сильны). Впоследствии, уже будучи в Германии, Фет познакомился со всей еврейской родней своего настоящего отца, которого тогда уже не было в живых.

Это был первый его не просто удар, а это был его первый обвал. Обвал, не в том смысле, что потеряно благосостояние (он потом наживет себе и не такое), а в смысле менталитета; он его воспринял как обвал для своей личности. Этим первым надрывом в 14 лет очень много объяснимо в его биографии.

Фет закончил Московский университет; среди его педагогов главное место занимал Михаил Петрович Погодин. Афанасий Афанасьевич Фет был однокашником Аполлона Григорьева и жил в Москве у Григорьевых на квартире. Аполлон Григорьев, друг молодости Фета, позднее будет писать и про стихи Фета, кому-то их объяснять, но Фет к тому времени уже не будет в этом нуждаться, «интеллигентское безвременье» на него не повлияло, он был чрезвычайно защищен именно с этой стороны.

После Московского университета Фет подал прошение на военную службу, так как, начиная с чина майора, по тогдашним Российским законам давалось потомственное дворянство. На портрете Фета 50-х годов он в офицерской фуражке, в его облике нет ничего еврейского — это было его тайной.

Со своим полком Фет попадает в линейные войска. (Митенька Карамазов у Достоевского тоже ведь был «в батальоне линейном»). Линейные войска — от слова «пограничная линия». Служил на границе в Польше. Это пребывание в Польше и было второй крупнейшей вехой в его биографии. Это время для Фета было судьбоносным, и он не просто его много вспоминал, а нельзя было его не помнить.

Тогда-то Фет и напишет своей жене Марии Петровне, чтобы немедленно вытравить со столового и постельного белья, со столового серебра все вензеля Фета и переделать на Шеншина. И характерное добавление — «если не хочешь мне опротиветь». Фет ненавидел фамилию «Фет», хотя она навсегда осталась его литературным именем.

Полу-провинциальное общество. (Александр I называл Варшаву своей третьей столицей). Польские помещики и, особенно, польские помещицы — отчасти скучающие, отчасти меценатствующие². Для Фета, который уже писал стихи, оказался открытым один дом некоей мадам Бржеской:

*Далекий друг, пойми мои рыдания!
Ты мне прости болезненный мой крик...*

Это прямо и озаглавлено: А.Л. Бржеской.

В доме Бржеской Фет встречает Марию Лазич — дочь одного из окрестных помещиков. Мария Лазич не была даже особенно хороша собой. Фет оставил о ней не только стихи, но и прозаические записки мемуарного характера, где и пишет, что в отличие от Бржеской, которая была хороша собой, Мария Лазич имела только хорошие черные волосы, а так — ничего особенного. Но голос был изумительный, вот именно, проникающий в душу; и Мария была великолепной музыкантшей (фортепьяно и пение). Лист, когда был в Варшаве (проездом через Варшаву в С.-Петербург), очень одобрял ее игру.

Все началось с ее восхищения поэтическим даром Фета; и активной стороной была она, а он, как это сказано у Достоевского, «не затруднился принять ее любовь».

*Шепот, робкое дыханье, трели соловья,
Серебро и колыханье сонного ручья...*

Трели соловья — это свидание в саду, прибежище провинциальных барышень. И дальше:

*Трели, трели, трели, трели, трели без конца
Ряд волшебных изменений милого лица...*

И так далее — вплоть до:

И стенания, и слёзы, и заря, заря.

Ну, уж как пошла утренняя заря, так ей срочно надо было через черный ход скользнуть в свою комнату, но чтобы на страже стояла доверенная горничная. Потому что если проморгаешь начало этой самой «зари, зари», то можно наткнуться на преданного слугу, который донесет отцу. По законам того времени за обольщение честной девицы (девственницы) было достаточно пожаловаться командиру полка и его бы заставили обвенчаться.

(В романе «Война и мир» Анатоля Курагина польский помещик заставил именно таким образом жениться на своей дочери, и потом тот платил этому помещику условленную мзду за право слыть за холостого человека.)

Мария Лазич сама не хотела выходить замуж за Фета — перед этим они уже объяснились, и она пошла на все. Фет объяснил Марии причину того, почему он не может на ней жениться. И дело не в бедности, а дело в том, что ему надо восстановить социальный статус, а эта девочка с романсами в

---

2 В фильме Вайды «Пепел» это время отражено довольно правдиво.

данном случае ему ничем помочь не могла. Роман длился несколько лет, то есть примерно с 1848 года по 1851-й (в 1848 году Фету 30 лет, он — ровесник Тургенева). В 1851 году полк, в котором служил Фет, отвели от пограничных областей и перевели в среднюю Россию.

Пройдут годы, и каждая минута прощания с Марией у Фета воскресала. Впоследствии он напишет:

*Подала ты мне руку, спросила — идешь?
Чуть заметил в глазах я две капелька слёз...
Эти искры в глазах и холодную дрожь
Я в бессонные ночи навек перенес.*

И еще как бы в воспоминание:

*Вчера я шел по зале освящённой,
Где так давно встречались мы с тобой...
Ты здесь опять; безмолвный и смущенный,
Невольно я поникнул головой.
И в темноте тревожного сознанья
Былые дни я различал едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.
Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движенье и цветы...
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: Что же ты?
И звуки те ж, и те ж благоуханья...
И чувствую — пылает голова!
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.*

После отъезда Фета Мария почувствовала, что ее жизнь прекратилась. Некоторое время она еще походила по знакомым местам, но, в конце концов, сидя в кресле у себя в комнате, бросила горящую спичку на платье. Вспыхнула факелом и крикнула младшей сестре: «Sauvez les lettres!» — береги письма (Фета) и через два дня умерла.

(Таким же способом потом уже в 1900-х годах пытался сжечь свою первую жену Куприн, но та тут же позвала на помощь.)

Фет об этом узнал от мужа и жены Бржеских, но узнал как-то пуходя: ну, напился раз, да и то по дороге (пока ехал — проспался). Во всяком случае, Фет как бы «закрыл» эту страницу своей биографии. И только в 1856 году Фета потихонечку что-то стало доносить, но сначала он не придавал этому решительно никакого значения. И даже, более того, рассматривал это как источник и поэтического вдохновения и даже как некий поэтический возбудитель.

Через некоторое время, когда ему было уже под сорок, Фет женился на Марии Петровне Боткиной — родной сестре Сергея Петровича Боткина³. Боткин — врач по преимуществу Петербургский, поэтому его имя постоянно склоняется Достоевским: «Бобок», «Идиот», «Преступление и наказание» — везде у него Боткин. Московский врач, столь же знаменитый,— Захарьин Григорий Антонович.

Евгений Сергеевич Боткин, расстрелянный вместе с царской семьей в 1918 году — был родным племянником Марии Петровны, жены Фета.

Отец Боткиных Петр (а там был ещё и Василий Петрович — автор «Писем об Испании») — это знаменитый чаоторговец (чай самых высших сортов). (У Шмелева в «Богомолье» присказка: «Кому — вот те на, а кому — господина Боткина!»).

Братья жены, особенно Василий, очень хорошо относились к Фету, который получил за ней серьезное приданое, хотя к тому времени сам имел уже определенное состояние (больше за счет гонораров).

После женитьбы Фет подал в отставку, на приданое жены было куплено имение в Тульской губернии (недалеко от имения Толстого), Фет стал большим хозяином и весь хозяйственный обиход приобретал уже на свои деньги.

Фет писал средние стишки, посвященные супругам Толстым; по-настоящему в Софье Андреевне Толстой ему импонировала ее хозяйственность (связка ключей у нее на поясе и так далее).

Но надо было жить дальше: и вот тут его стала наступать Десница Господня. Ситуация стала походить на ту, которая была описана у Достоевского в «Братьях Карамазовых», во вставной новелле «Рассказ старца Зосимы» — о чиновнике — тайном убийце, который не только ускользнул от уголовной ответственности, но даже не был и заподозрен. Но в конце концов совесть его замучила: он и желал «объявить» о своем преступлении — и не мог решиться. Вот тут Зосима (будущий старец — тогда еще молодой офицер) стал «укреплять» его в этом решении и показал ему слова апостола Павла (Евр.10,31):

³¹*Страшно впасть в руки Бога живаго!*

Так вот, 31 стих из 10 главы Послания к Евреям апостола Павла начал сбываться над Фетом; и тут начались его муки.

Как и тот герой Достоевского, «будучи характера сильного», боролся с этим наваждением, и даже придумал тот же иезуитский ход — «всё искуплю тайной мукой моей».

Для Афанасия Афанасьевича тоже началась тайная мука, но он с нею боролся. В это время, то есть 60-е годы, он пишет «Allter ego» («Другое я»):

*Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей*

---

3 Им основана Боткинская больница. Наряду с Г.А. Захарьиным, С.П. Боткин — основатель русской клинической школы.

*И была ли при этом победа, и чья —
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?*

.....
*Ты душою младенческой всё поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.*

И заканчиваться так:

*У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд:
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придём, нас нельзя разлучить.*

Как сказать? Если это — Суд Божий, то уж даже не из Священного — из светского писания (Данте), про каких-нибудь Паоло и Франческу — и то им место в аду.

Слово «суд» в стихотворении Фет пока употребил для красного словца, но для него Страшный Суд стал реальностью, когда он стал наступать его сердце (ведь хотя Мария Лазич покончила с жизнью сама, но толчок!). И уже следующее стихотворение в этом ряду отличается по тону, так как и в «Allter ego» сильна риторика, а тут уже не до риторики.

Но жизнь продолжалась. Фет входит в тесные отношения со Львом Толстым.

У Фета чрезвычайно мало слабых стихов, а мастерство такое, что, как бы сказал тот же Лев Толстой, «мастерства не видно». Лев Толстой писал: «Откуда у этого толстого офицера лирическая дерзость, свойственная только истинному поэту?».

*Страницы милые опять персты раскрыли...
Я снова умилён и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили,
Засохших, одному мне ведомых цветов.*

.....
*О, как ничтожно все! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых —*

Какие святые подвиги?! — это то, что называется, — читатель всё проглотит.

*Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные от лепестков сухих.*

.....
*Но им и дорожит моё воспоминанье.
Без них всё прошлое — один жестокий бред,
Без них один укор, без них одно терзанье
И нет прощенья и примиренья нет.*

Стихотворения этого ряда, пожалуй, должны завершаться стихотворением:

*Прости. Во мгле воспоминанья
Всё вечер помню я один:
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.
Глядя в огонь, я забывался —
Вошебный круг меня томил...
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастья и сил.
Что за раздумия у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твоё тепло?
Где ты? Ужель ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего.*

Этот текст, бесспорно, является прямым предшественником стихов Блока. У Блока потом прочтем:

*А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
На захудалом перекрестке
На царский поезд твой смотрю.*

Вот эта «жесткость», где тело потеряло гибкость, опять «застывший» как бы от внутренней вьюги, от того холода, который пронизает его сердце.

Жизнь продолжалась с неумолимой логикой. Фет скончался раньше своей жены Марии Петровны. Состояние нажил большое, хотя его друг Аполлон Григорьев буквально погибал в 1863-1865 годах, но Фет почему-то не приютил его у себя. Ответа так и нет. Это значит, что, несмотря на всякие поэтические покаяния, Фет в своей жизни и в сердце оставался глубоким эгоистом.

Уже достигнув большой славы, Фет с помощью своего ученика КР смог восстановить свою фамилию и получить полные документы Шеншина. Имя «Фет» — осталось только как его поэтический псевдоним. Впрочем, он писал, что «всем моим несчастиям имя Фет». Но, видно, что он так сросся со своими несчастиями, что, как бы сказал Обломов,— «я прирос к этому больным местом, оторви — будет смерть».

Во всяком случае, теперь уже этот тульский помещик не мог взять себе другого литературного имени; в остальном в свои 74 года достиг всего, что он ценил. КР с молодой женой были счастливы посетить его в имении; и там он, например, по средам подавал только постный обед. Но всё это было как бы «в пику»; это было в пику интеллигентскому безвременью (разным

безбожникам и полу-безбожникам), а вот он де целиком исполнял православный устав.

Покаяние начинается не с литературных излияний — покаяние начинается в сердце и потом оно совершается в Церкви при священнике-духовнике — Богу; и тогда по слову псалма Давидова: «*Омыеши мя и паче снега убелюся*». Это знает вся Церковь, это знали все подвижники, пережившие многие большие падения; и это знает каждый, верующий во Христа. Фет этого не видел — и именно потому, что в сердце он оставался глубоким эгоистом. Вот это окамененное нечувствие — вот оно было главный его грехом.

На Фета оказало влияние и еще одно несчастье. Его братья и сестры (не все, правда), законные Шеншины, один за другим сходили с ума и умирали; особенно, когда это случилось с его любимой сестрой, и Фет стал бояться, что наследственное безумие перейдет и на него.

Супружеские отношения с Марией Петровной у Фета были, но детей Бог не послал (не благословил).

*Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой,
Не в силах верить я, что ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.*

Фет оказался один в благоустроенном имении, которое уже не требовало его трудов (Марии Петровны рядом не случилось). Лев Толстой где-то рядом, но тот сам был глубокий эгоист и у него нельзя было искать нравственной поддержки. КР, благоговевший перед своим учителем, не догадался вытащить его в Петербург и подтолкнуть к хорошему духовнику. И вот здесь случился последний обвал в его жизни. Фет в холодную сырую погоду встал перед открытым окном в надежде простудиться. У него началось воспаление легких, потом уже двухстороннее, перешедшее в скоротечную чахотку, от которой Фет и скончался.

Если говорить о поэтическом мастерстве Фета в свете Христовой правды, то об этом просто достаточно упомянуть. Что тут сказать? Вот говорили, что «вся помещичья Россия поет Фета». Я могу сказать другое — она только тренькала под гитару известный романс «Я тебе ничего не скажу, я тебя не встревожу ничуть».

Настоящих романсов, как у Глинки на слова Баратынского («Не искушай меня без нужды»), на его стихи не написано; и не написано потому, что такой внутренней музыки до Фета русская поэзия не знала.

Злая песнь! Как больно возмутила...

Это стихотворение кончается так:

*Но к утру потухнул жар напевный,
И душа затихнула до дна...
В озаренной глубине душевной*

Лишь улыбка уст твоих видна.

После смерти Фета о нём служились все возможные панихиды; его самоубийство было глубоко завуалировано, но Бога-то не обманешь. По настоящему у него не было человека, который бы заплакал за него свои глаза (как бабушка Лермонтова) и который бы Псалтирь читал оп нем неустанно.

За самоубийц молятся при близком родстве; а в остальных случаях — это каждый решает со своим духовником и в глубине своего сердца.

3. Составьте хронологическую таблицу жизни и творчества А.А.Фета.

4. Выучите одно стихотворение на выбор.

5. Самостоятельная работа: Краткий очерк жизни и творчества Н.Г.Чернышевского.

Выполненную работу отправляете старосте. Староста формирует папку, подписывает тему, ставит дату и присылает в личное сообщение на на мой эл. адрес: gulnaraazatovna@mail.ru в срок до 17.00 текущего дня.